

ОРГАНИЗАЦИЯ РАСКУЛАЧИВАНИЯ НА ЧЕРНОМОРЬЕ (НА МАТЕРИАЛАХ СОЧИНСКОГО РАЙОНА)

С.Р. Сиротюк

Российский университет дружбы народов, филиал в г. Сочи, Россия

Коллективизация – это одна из наиболее трагических страниц в истории крестьянства. Сплошная коллективизация сопровождалась массовым раскулачиванием, в результате которой были уничтожены миллионы крестьянских хозяйств. Историки называют разные цифры «раскулаченных», однако в любом случае речь идет о миллионах человеческих жизней. Так, только за период с 1 октября 1936 г. по 1 ноября 1938 г. общее число жертв «Большого террора» в деревне составило 1565041 чел., из которых были расстреляны 668305 чел. [1]. Участь оставшихся в живых была немногим лучше: эти крестьяне были разорены и выброшены в необжитые отдаленные районы, отправлены на строительство сталинских пятилеток, в концлагеря. Более половины погибли в течение одного года после раскулачивания. Не миновала эта горькая чаша и селян Сочинского района Краснодарского края.

Наступление на кулака велось на территории Сочинского района планомерно с 1928 г. В Инструкции Северо-Кавказского Крайисполкома от 28 декабря 1928 г. «О мерах по подъему урожайности и повышению организационно-хозяйственной роли сельсоветов» всячески подчеркивается мысль о необходимости борьбы с кулацким элементом: «Поэтому наряду с организацией бедняцко-средняцких масс вокруг вопроса поднятия сельского хозяйства, важнейшей задачей местных организаций является усиление борьбы и отпора активности классовых врагов в деревне...»[2]. И хотя при этом делается оговорка «...в то же время необходимо давать решительный отпор отдельным попыткам в практической работе советов приравнять средняцкие и батрацкие хозяйства к кулацким и переносить на средняцкие хозяйства наши методы борьбы с кулаком» [3], главный враг социализма в деревне найден – это кулак.

Следующим шагом в политике ограничения кулачества была разработка подробной инструкции Северо-Кавказского Крайисполкома от 16 апреля 1929 г.[4], согласно которой составлялись списки явно кулацких хозяйств. Эти хозяйства не имели права пользоваться льготами по единому сельхозналогу, также было запрещено их государственное кредитование. В основу Инструкции легли Постановления ЦИК и СНК СССР от 20 февраля 1929 г. «О едином сельскохозяйственном налоге» и «О порядке применения кодекса законов о труде в кулацких хозяйствах». Выявление кулацких хозяйств должно было производиться на основании признаков, перечисленных в 9-ти параграфах (§5–13) инструкции Северо-Кавказского Крайисполкома от 16 апреля 1929 г. Причем для причисления хозяйства к явно кулацкому достаточно было 1-го из ниже указываемых признаков:

1. Применение систематического наемного труда.
2. Наличие мельниц, маслобоен, других промышленных предприятий.
3. Систематическая сдача в наем сложного сельскохозяйственного инвентаря.
4. Сдача в наем помещений.
5. Члены хозяйства занимаются торговлей, ростовщичеством или имеют другие нетрудовые доходы.

Однако если в §11 Инструкции в качестве признака для отнесения хозяйства к явно кулацкому указывается верхний предел дохода от сдачи в наем помещений в 300 руб. в год, а в §12 размер арендуемого сада не должен превышать 0,5 десятины, то с учетом особенностей Сочинского района (Сочи – курорт, преобладающая отрасль сельского хозяйства – садоводство) Черноморский окружной исполком внес коррективы в применение этих пунктов. Для Черноморья показатели выше: доход от эксплуатации помещений не должен превышать 360 руб. в год, а арендуемая площадь сада или виноградника – не более 1-й десятины[5].

Однако в целом можно сказать, что сформулированные государством критерии для причисления к кулацким хозяйствам носят весьма нечеткий и размытый характер: каждый параграф снабжен примечаниями, которые фактически его опровергают, чем окончательно запутывают ситуацию. Это позволяло власти на местах действовать без каких-либо ограничений и проводить карательные мероприятия против любого неугодного пролетарскому государству крестьянского хозяйства, втянутого в рыночный оборот того времени и использующего в различной степени методы ведения семейного фермерского хозяйства. Таким образом, призыв «кулак – это враг» не имел конкретного значения и мог рассматриваться как «враг – это кулак».

Такая политика власти является объяснением того, что в списке кулаков по Сочинскому району наряду с таким крестьянином как Аратюньян А.З., проживавшего в с. Хлебоборб и владевшего довольно большим хозяйством (как следует из его личного дела, «имел табаку 2 га, посева 3 га, коров 6, быков 4, лошадей 1», широко использовал наемный труд) [9], значилось имя Туманьяна К.Г., жителя с. Дзыхра. Хозяйство этого агрария не отличались особым богатством, он использовал труд всего 1-го батрака, а все его имущество – «дом, сарай, быка 2, корова 1, телка 1» [10]. Дополнительным основанием в Сочинском районе для зачисления таких крестьянских хозяйств в число «кулацких» служили обвинения в антисоветской и религиозной деятельности.

Составление списков явно кулацких хозяйств поручалось сельсоветам, при активном участии групп бедноты. Однако, как справедливо отмечают исследователи[6], в процессе раскулачивания не снизу, а сверху шла репрессивная волна. И, судя по всему, основную роль в реализации намеченного играл репрессивный аппарат ОГПУ[7]. Знакомясь с архивными документами по раскулачиванию черноморской деревни, не перестаешь удивляться высокой организаторской способности большевиков в деле насаждения новых социально-экономических отношений.

Однако, проведение столь широкомасштабной операции требовало не только ретивых исполнителей, но и опоры в массах. Если в центральных областях России такой опорой являлись отряды пролетариата и беднейшего крестьянства, то в отношении Сочинского района об этом говорить не приходится. Здесь практически отсутствовал класс индустриальных рабочих, а крестьянство, не знавшее помещичьего и общинного землепользования, вовсе не стремилось к обобществлению производства. Кроме того, на Черноморье бежали от раскулачивания крестьяне из других регионов страны и здесь продолжали всячески сопротивляться коллективизации, что также не способствовало укреплению позиций большевиков в черноморской деревне. Так, в личном деле раскулаченного Заседателя Ефима Петровича, 1894 г. рождения, жителя села Верхнее Русское Лоо, читаем: «До 1929 г. имел свое кулацкое хозяйство в Гомельской губернии, где за применение наемной силы был окулачен, но распродал свое хозяйство, выехал на Черноморье... В начале 1930 г. вступил в колхоз, где повел разлагательскую работу, после чего из колхоза вышел...»[8]. И таких примеров можно привести достаточно много.

Таким образом, рассчитывать на сколько-нибудь серьезную поддержку своей аграрной политики со стороны селян Сочинского района большевикам не приходилось. Однако нельзя говорить о том, что население вовсе не принимало участие в деле массового раскулачивания. Напротив, движимые самыми низменными чувствами, отдельные «наиболее сознательные» граждане активно включились в процесс составления списков явно кулацких хозяйств. Вполне в духе большевистской революционной законности только на основании заявлений (или, точнее, доносов) этих граждан типично середняцкие хозяйства попадали под раскулачивание. Эта практика была настолько распространена, что вызвала озабоченность власти создавшейся ситуацией. В специальной Инструкции РИКа всем с/советам Сочрайона от 3 декабря 1929 г. говорилось о недостаточном внимании со стороны с/советов вопросу правомерности отнесения хозяйства к явно кулацкому, «почему были уже неоднократные случаи отнесения середняцких хозяйств в явно кулацкие, на основе заявлений граждан, сводящих с ними личные счёты» [11].

В полную силу маховик репрессий в черноморской деревне раскрутился в начале 1930 г. Постановление ЦК ВКП(б) «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» от 5 января 1930 г. открыло серию обильных директив, направленных на форсирование коллективизации и раскулачивания. Местная сочинская власть была наделена чрезвычайными полномочиями вплоть до полной конфискации имущества кулаков и выселения их из пределов Черноморского округа[12].

Кулаки разделялись на три категории. К первой категории был отнесен «контрреволюционный кулацкий актив», особенно кадры действующих повстанческих организаций, которые подлежали заключению в концлагеря или расстрелу по приговору «троек». Семьи лиц, заключённых в лагеря или приговорённых к высшей мере наказания, должны были выселяться в отдалён-

ные районы страны вместе с семьями «второй категории», к которой были отнесены крупные кулаки и бывшие полупомещики, активно выступающие против коллективизации, местные кулацкие авторитеты и весь кулацкий кадр, из которого формируется контрреволюционный актив. Остальных кулаков, попадавших в «третью категорию», предполагалось выселять в отводимые за пределами колхозных хозяйств поселки.

Большинство раскулаченных по Сочинскому району проходило по «третьей категории». 21 февраля 1930 г. участь 155 сочинских кулацких семей (состав семьи в среднем – 6 чел.) была решена на заседании Президиума РИКа: конфисковать имущество и выселить по «третьей категории».

Так прошел первый тур антикулацкой кампании на территории Сочинского района. Около 1 тыс. наших земляков разделило судьбу миллионов крестьян, подвергшихся репрессиям в рамках насильственной коллективизации по всей стране. Однако на этом преследования кулачества не прекратились. Судя по архивным данным, этот процесс на Черноморье затянулся до начала 50-х гг. И последствия его для региона были также катастрофичны, как и для страны в целом.

Примечания:

1. Цит. по: Зеленин И.Е. Кульминация «Большого террора» в деревне. Зигзаги аграрной политики (1937-1938 гг.) // Отечественная история. 2004. №1. С. 176; Самсоненко Т.А. Социальная помощь населению коллективизированной деревни в 1930-е гг.: нормативно-правовые основы // История и историки в контексте времени. 2010. № 7. С. 92–100.

2. Архивный отдел администрации города Сочи (АОАГС). Ф.Р-25. Оп.1. Д.361. Л.9.

3. Там же.

4. АОАГС. Ф.Р-25. Оп.1. Д.361. Л.47–52.

5. АОАГС. Ф.Р-25. Оп.1. Д.361. Л.62.

6. Зеленин И.Е. Ук. соч.

7. АОАГС. Ф.Р-83. Оп.1. Д.12. Л.20–25.

8. АОАГС. Ф.Р-83. Оп.1. Д.12. Л.20.

9. АОАГС. Ф.Р-83. Оп.1. Д.12. Л.21.

10. АОАГС. Ф.Р-83. Оп.1. Д.12. Л.20.

11. АОАГС. Ф.Р-25. Оп.1. Д.361. Л.150.

12. АОАГС. Ф.Р-83. Оп.1. Д.12. Л.50, 52.